Вокруг Европы

В ночь на 6 июня 1956 года из Одессы в круизный рейс вокруг Европы отправился теплоход «Победа». Его 423 пассажирам в течение 25 дней предстояло посетить шесть стран, из них пять капиталистических, в Греции осмотреть Пирей с Афинами, в Италии – Неаполь, Рим, Сорренто, съездить на остров Капри, во Франции прогуляться по Гавру и Парижу, в Голландии осмотреть Роттердам, Гаагу и Амстердам и «на закуску» заехать в шведский Стокгольм. Оттуда «Победа» следовала в Ленинград, где ей предстояло загрузить новую порцию туристов и с ними плыть домой в Одессу. Произошло абсолютно немыслимое: заплатив деньги, замечу немалые, любой, кто хочет, если, конечно, получит заграничный паспорт, может вот так, запросто, не в командировку, а для своего удовольствия отправиться за границу. Слухи о круизе ходили по Москве давно, но мало кто верил. Возражал Минфин, там не считали целесообразным обмен с таким трудом заработанной валютой. Напомню, что нефтью тогда не торговали, а в свое время «с целью укрепления престижа» Сталин установил обменный курс: один американский доллар на четыре наших старых дореформенных рубля. От этого не имевшего ничего общего с реальностью курса страдали в первую очередь дипломаты и заезжие иностранцы, но их страдания никого не интересовали. Теперь Минфину предстояло менять по тому же курсу не их доллары и франки на наши рубли, а рубли на фунты стерлингов и марки. К сетованиям финансистов отец отнесся серьезно, поручил подумать об установлении в будущем более реалистичного курса обмена валют, а пока приказал менять. Правда, обмен на валюту ограничили почти символической суммой, если не ошибаюсь, в тридцать пять рублей.

Возражала и госбезопасность, уследить за сотнями туристов, да еще за рубежом, по их мнению, не представлялось возможным. Генерал Серов вернулся от отца ни с чем, «секретносителей» в круиз не пускали, а до остальных... Отец посоветовал ему не считать всех советских людей потенциальными шпионами и перебежчиками. Тем не менее за Комитетом зарезервировали какое-то количество билетов.

Наконец все утряслось, отец подписал «разрешительное» постановление, выбрали теплоход покомфортнее, установили приблизительную дату отплытия.

Несколько месяцев жаждавшие попасть в круиз люди, простые и не совсем простые, обивали пороги учреждений, оформляли документы. Более половины туристов составили передовики-рабочие, отобранные профсоюзами, в том числе целая группа с московского завода «Каучук». С ними все устроилось просто, они поездки не добивались, им ее предложили. А вот «непростым людям»: писателям, музыкантам, средней руки чиновникам пришлось приложить немалые усилия. Они суетились, звонили нужным людям, а те перезванивали еще более нужным. Наконец вожделенные билеты и, главное, разрешения на выезд получены. Не всеми, конечно.

В наши дни происходившее вокруг первого такого круиза представить себе почти невозможно. Выехать в Европу в 1956 году значило больше, чем в начале XXI века отправиться экскурсантом даже не на международную космическую станцию, а на Марс. Ехали в круиз не за бараклом, что купишь на разрешенную к обмену тридцатку? Хотелось хоть одним глазком взглянуть на тамошнюю жизнь.

От увиденного наступил шок. Оказалось, на Западе совсем не голодают, не стоят в очередях за благотворительным супом, как нас убеждали и убедили в сталинские времена, а живут совсем неплохо, по крайней мере, лучше, чем мы. Это открытие воздействовало на

общественное создание не слабее, чем секретный доклад на XX съезде. Восприятие Запада перевернулось на 180 градусов, мы уже не столько сочувствовали тамошним угнетенным массам, сколько завидовали им.

Константин Паустовский, тоже один из пассажиров «Победы», опубликовал в «Литературной газете» свой, на сегодняшний взгляд, довольно sereneйший путевой очерк. Но тогда его зачитывали до дыр, обсуждали домохозяйки на кухнях и алкаши в подворотнях. Удивлялись всему, но самое удивительное – что можно вот так запросто сесть на пароход и съездить в Париж, не говоря уже обо всех остальных «абсолютно недоступных» местах.

Не могу удержаться от сравнения 1956 года с веком XIX, тогдашней «оттепелью» во время правления императора Александра II Освободителя. Сейчас на «Победу» путешествовал писатель Паустовский, тогда, в 1862 году, на перекладных – российский драматург Александр Островский: «... вот где был простор посмотреть да посравнить свое и чужое. Так ли уж правы были они, когда в молодые годы вместе с Аполлоном Григорьевым и другими юношами из “Москвитянина” заранее, наугад гордились тем, что мы “не чета Европе старой...” К началу 1860-х годов глухо запертые на Запад двери распахнулись. Выездной сбор с прежней фантастической цены в пятьсот рублей был снижен до пяти, и толпы русских, подхваченные либеральным ветром, хлынули за рубеж.

После долгих лет пребывания за частоколом николаевского острога русский человек ехал в Европу. Что искал он в ней, что находил?... Ехали в свадебные путешествия, *partie de plaisir*, насладиться видами Италии и Швейцарии, музеями и театрами Парижа, европейским комфортом... Русский человек, живший в царствование Николая и воспитанный этим временем, привык к тому, что все нельзя, на всё запреты, что надо скрывать и желания, и мысли, – и тут терялся поначалу, а потом испытывал особого рода легкость среди толпы свободно двигавшихся, непринужденно говоривших, державшихся с достоинством людей. Пусть впечатления эти внешни, поверхностны, но для короткого знакомства и их хватало».

Воистину, новое – это всего лишь позабытое старое. Я хорошо запомнил свои ощущения, но не от круиза, вокруг Европы я не ездил, такие деньги мне и не снились. Как я писал, отец взял меня с собой в 1956 году в Лондон. Удивляло все, но особенно поразили витрины, даже не обилием выставленных в них товаров, а своей неземной красотой. Я и сейчас помню, как сравнивал пыльное, даже грязное окно московского гастронома с одиноким серым муляжом свиного окорока с роскошью съестных припасов в зеркальном блеске лондонских витрин. Я не голодал и не нуждался, кремлевская кухня не страдала от дефицита, наверное, я эти деликатесы пробовал и раньше, но никогда представленных таким образом их не видел.

Россия всегда отличалась своей закрытостью, здесь во всяком иностранце видели шпиона, а если и не шпиона, то персону не очень желательную. Каждый россиянин, отъезжавший за рубеж, вызывал подозрение и раздражение властей. Так было во все постмонгольские времена, когда пожестче, когда послабее. При Иване IV Грозном сношение с иностранцами грозило дыбой, затем наступило потепление, Петр I и его преемники не просто разрешали, заставляли своих подданных путешествовать, учиться у Европы. Нагляделись, научились, и взявшие Париж в 1814 году молодые офицеры-генералы попытались подогнать российские порядки под европейские. После подавления бунта декабристов не просто ударили заморозки, установились серьезные морозы. Чтобы совершить заграничный вояж, требовалось личное разрешение императора Николая I, и давалось оно далеко не всем. Александру Пушкину, к примеру, получить его не удалось. При царе-освободителе Александре II вновь наступило послабление, затем при его преемниках пришло новое похолодание, сменившееся сталинским режимом, скорее грозненским, чем николаевским.

Сталин, как и Грозный, понимал, что прочность его тирании зависит от того, насколько тщательно законопачены все границы, и он держал их, как тогда говорили «на замке». На

замке не столько от иностранных шпионов, сколько от собственных граждан. Пока границы заперты и люди не знают, что делается в окружающем их мире, руки властителя развязаны, он может делать, что заблагорассудится, одновременно убеждая, что лучше его подданных никто в мире не живет. Большинство ему верит и, даже если сами они не очень счастливы, то убеждены, что у «них» дела обстоят еще хуже.

Открывая границу, страна вступает в соревнование с окружающим миром, политико-экономический строй должен доказать и показать свою эффективность. Отец постоянно повторял, что «та система победит, которая предоставит людям лучшую жизнь». Он не сомневался в победе и не боялся соревнования ни с Западом, ни с Востоком.

Осознавал ли отец до конца, что совершает, подписывая постановление, разрешавшее круизы, туристические поездки? Думаю – и да, и нет. Он осознавал, что жить в XX веке в наглухо законопаченной стране невозможно, тем более что скоро, очень скоро мы заживем лучше любой за границы. Тогда не мы, а они станут нам завидовать.

С другой стороны отец, как все его сограждане, не ощущал и не мог ощущать всех аспектов, реальных и чисто внешних, – различия между нашими мирами. Он владел цифрами, метрами жилья на душу населения у них и у нас, потреблением мяса, молока и масла и многого другого у нас и у них, радовался, что вот по такой-то позиции мы приблизились к ним. Но до самой макушки заваленный ворохом каждодневных бумаг, он не задумывался, что означает увидеть воочию.

Вслед за «Победой» вокруг Европы начали курсировать еще и «Россия» с «Грузией». В конце августа 1956 года в Ленинград с ответным визитом на трех судах, польском «Батории», норвежском «Метеоре» и финском «Боре-1», приехали туристы из Франции, Англии, Италии, Швеции, США и Норвегии. Больше всего, около четырехсот человек, среди них оказалось итальянцев. Пароходными экскурсиями дело не ограничилось, один за другим открывались европейские самолетные маршруты, обслуживавшиеся невиданными на Западе реактивными Ту-104. Я уже не говорю о поездках. Поездка в Европу перестала быть привилегией одних лишь чиновников. Отец подписав «разрешение на выезд» рядовому человеку, прорубил, уже не окно в Европу, а дверь, отпер ее и запирать не собирался.

День за днем

Так уж получилось, что вскоре после европейского вояжа «Победы» в июле 1956 года перестали глушить Би-би-си. Во время визита в Великобританию отец с Булганиным пообещали премьер-министру Энтони Идену сделать этот шаг доброй воли. Теперь больше не требовалось вслушиваться в прорывающиеся сквозь мощное гудение обрывки слов, перескакивать с волны на волну в надежде, что сегодня где-то глушат не столь прилежно. «Голос Америки» и «Свободную Европу» глушили по-прежнему, но они не пользовались у москвичей особым доверием. Считалось, что американские радиостанции сродни нашей собственной пропаганде.

В 1956 году Российская Федерация обрела право иметь собственную газету. 1 июля вышел первый номер «Советской России», органа недавно образованного Бюро ЦК по РСФСР и Правительства Российской Федерации. В 1949 году поводом для начала «Ленинградского дела» послужила организованная в Ленинграде Всероссийская ярмарка. Сталин обвинил ленинградцев в противопоставлении России, Москве и Союзу. И... полетели головы. Теперь времена переменялись. Российская Федерация начала

обретать собственное лицо и обзаводиться необходимыми для этого атрибутами.

В сталинские времена каждый посетивший нашу страну мало-мальски значимый иностранец ценился на вес золота (я уже об этом писал), сейчас от них просто отбоя не было. Москва стала очень популярной в мире, особенно после XX съезда и сенсационного выступления на нем Хрущева. Каждому, будь то американский сенатор, французский бизнесмен или английский журналист, очень хотелось повстречаться с отцом. Отец, насколько позволяло время, старался не отказывать, иностранцы его интересовали не меньше, чем он интересовал их. Он не только делился с посетителями своими взглядами на мир, но сам набирался от них знаний о еще не очень ведомом ему «тамошнем» мире и его устройстве. Так уж получилось, что предпочтение отец отдавал «буржуазным» политикам, с ними ему было интереснее. Общение с руководителями зарубежных коммунистических партий все больше ложилось на плечи «профильного» Секретаря ЦК Михаила Суслова и руководителя Международного отдела Бориса Пономарева.

Молотов «однобокое» поведение отца посчитал идеологически неверным и на одном из заседаний Президиума ЦК попенял ему. По мнению Молотова, отец все больше вторгался в компетенции главы правительства, в чьи обязанности входит вести переговоры с капиталистами, а Секретарю ЦК, то есть отцу, следует обращать больше внимания на отношения с компартиями.

Критику отец учел. 28 и 30 июня он общается с французскими коммунистами, затем – 9, 10 и 11 июля принимает, одних за другими, представителей коммунистических партий Бельгии, Великобритании, Италии и одновременно ведет переговоры с шахиншахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви, Генеральным секретарем ООН Дагом Хаммершельдом, принимает своего давнего знакомого – американского инженера, участника строительства первой очереди московского метро Генри Моргана, сенатора США Аллена Элландера и еще многих других интересных ему людей. Со временем отец, к неудовольствию Молотова, снова «спихнул» коммунистов на Суслова с Пономаревым. Не всех конечно – с Морисом Торезом и Пальмиро Тольятти он встречался каждый раз, когда они появлялись в Москве. Постепенно между ними установились личные, очень доверительные отношения.

На открывшейся 11 июля 1956 года Сессии Верховного Совета СССР депутаты преобразовали Карело-Финскую Советскую Союзную республику в автономную, понизили ее статус на одну ступень, разумеется, «по ее собственной просьбе». Отец рассказывал, как Сталин, в предвкушении «добровольного» присоединения Финляндии к России, в марте 1940 года, сразу после окончания Советско-финской, или Зимней войны, повысил статус Карельской Автономной республики до Карело-Финской Союзной. Почти полтора века назад Александр I после трех лет изнурительной войны 1806–1809 годов все-таки покорил финнов. Сталину повторить его затею не удалось. И Карело-Финская ССР вернулась в исходное «автономное» состояние.

15 июля 1956 года выходит первый номер нового журнала для детей «Костер».

31 июля 1956 года празднованием недавно учрежденного Дня строителя открыли по тем временам огромный стадион в Лужниках. Ему присвоили имя В. И. Ленина. Отец из правительственной ложи с удовольствием следил за выступлениями физкультурников, а затем, при всем своем равнодушии к спортивным играм, остался на футбольный матч. Стадион ему очень понравился, но еще больше нравилось то, что наконец-то привели в порядок вечно заброшенные заболоченные Лужники.

27 августа 1956 года Хрущев выступает на Президиуме ЦК «О студентах на сельскохозяйственных работах». Сезонность работ в деревне – извечная проблема, и не только в нашей стране, в посевную и на уборке рабочих рук не хватает, в остальное время и своих колхозников порой занять нечем.

В Америке фермеры в страду нанимают временных рабочих, мексиканцев или иных иностранцев, специально на это время въезжающих в страну. У нас же в помощь колхозникам направлялись «шефы», в том числе и студенты со школьниками. Естественно, это время они не учились. Я тоже регулярно осенью из года в год отправлялся на сбор урожая в подшефный подмосковный колхоз. Отец подобную практику считал вредной, студенты должны учиться, а не картошку копать, но поделаться ничего не мог. Других сезонных рабочих в СССР не существовало.

Вот и теперь он в который раз призвал «разобраться с посылкой студентов на сельхозработы», и, если нельзя без них обойтись, пусть «колхозы платят им за труд».

Президиум ЦК своим решением ограничил одним месяцем направление учащихся на сельхозработы. Но запрет просуществовал недолго, поначалу сроки продлевались «в порядке исключения», а потом уже безо всякого исключения.